

ВЛАДИМИР ШПИНЕВ
РЕАНИМАТОЛОГ
ЗАПИСКИ ОПТИМИСТА

Издательство АСТ
Москва

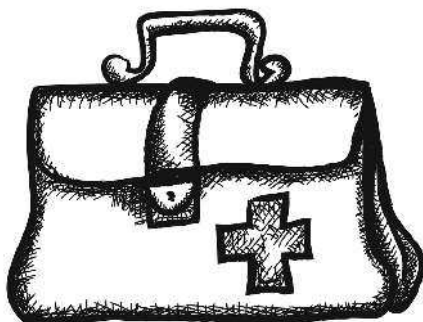
ВМЕСТО ПРОЛОГА

Здравствуйте! Меня зовут Владимир, скажу сразу: мои записи часто не для детей, иногда содержат ненормативную лексику, циничные и кровавые фотографии. Мой журнал о моей работе, жизни, стараюсь не влезать в политику, но жизнь складывается так, что невозможно пройти мимо событий, происходящих в нашей стране, к сожалению, редко когда они позитивные.

Начиная читать эту книгу, вы соглашаетесь со следующим:

Данный дневник является личным и частным дневником и содержит личные и частные мнения автора этого дневника. Дневник не имеет лицензии Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания

ния и средств массовых коммуникаций и никоим образом не является средством массовой информации, а потому автор этого дневника не обязуется предоставлять кому бы то ни было правдивую, непредвзятую и даже осмысленную информацию, равно как не обязуется публиковать в нем тексты высокой художественной и нравственной ценности, равно как не публиковать в нем тексты, призывающие к насилию, межнациональной розни и оскорбляющие личное достоинство отдельных граждан. Сведения, содержащиеся в этом дневнике, не имеют никакого юридического смысла и не могут быть использованы при разбирательствах в гражданских, военных или арбитражных судах, равно как вообще нигде, для доказательства или опровержения чего бы то ни было. Все посты в этом дневнике являются шуткой, художественным вымыслом.

Зимние страдания

Парня молодого недавно лечил. Но как лечил — анестезию проводил.

Молодой совсем. Банальщина. Вышел пьяный на улицу, прилег, приснул, очнулся уже в больнице. Замерз так, что кожа на животе звенела. Выходили.

Выходили, спасли жизнь, но вот жизнь его дальнейшую и жизнью сложно назвать. Ноги по бедра и кисти напроць. Оперировали в три этапа. Поставил эпидуральный катетер в поясничной области между позвонками, вводил туда местный анестетик, снизу все онемело. Пока работал с ним, даже немного подружился, нормальный парень и так себе сгубил еще совсем не прожитую жизнь. Водилой подрабатывал, столько планов... Я освободил его от присутствия на операции, задурил ему голову анестетиками, пока убирали его конечности.

И только полечили этого, привезли другого — выпал с пятого этажа другой мальчишка, полтора часа на улице, и так же жизнь себе обеспечил за счет государства. Еще не успел и этот пациент выздороветь, поступил другой молодой человек.

Пьяный, много раз падал головой вниз об асфальт, потом уснул на улице почти нагишом. И так же его конечности в опасности.

Блин, это что же забава такая — спать на улице при минус тридцати пяти?

Реакция на лекарство

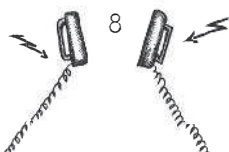
Некоторое время назад к нам обратились терапевты за помощью.

Пациента попытались полечить с банальным панкреатитом. Там и панкреатит то был так себе, но, поскольку на носу праздники, мужчина решил, что лучше себя заранее подготовить. Собственно, это было достаточно похвальное решение, многие наоборот — уничтожают свой организм до последнего, пока органы совсем не износятся.

Ну вот, начали они его лечить, все вроде бы текло хорошо, и в один прекрасный момент ввели препарат, являющий собой смесь спазмолитика и обезболивающего, ну вроде баралгина. Нет, это правильное решение в его ситуации — и спазм должен снять, и боль утолить.

Ввели, значит, сей замечательный препарат и вдруг с удивлением обнаружили не положительную динамику, а совсем даже наоборот. Увидели, что пациент как-то странно посерел, стал ловить ртом воздух. Проблема в том, что у него осложненный жизненный анамнез — он астматик. И опять же — предугадать такую странную реакцию на вполне обычный препарат не представлялось возможным, ранее на него ни каких реакций не было. Но факт остался фактом — они получили бронхоспазм.

К нам привезли пожилого мужчину уже совсем задышающимся, серо-фиолетовый кожный покров,

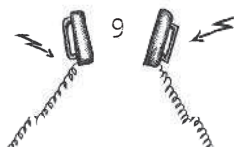

синюшные слизистые, красные выпученные глаза и рот, пытающийся глотнуть хоть каплю воздуха. Бронхоспазм. Оно бы ничего, бедному сердцу стало совсем тяжело прогонять кровь по кругам кровообращения, и в легких кровь стала застаиваться, жидкость стала пропотевать через альвеолы, и к бронхоспазму присоединился отек легких.

Пациент был при смерти, и он это отчетливо понимал, в глазах стоял ужас от происходящего, он, похоже, уже простился с этим миром.

Возможно, многие реаниматологи немедленно бы перевели пациента на ИВЛ, ну или на вспомогательные режимы. Это было бы действительно верное решение, но я почему то пошел на определенный риск и решил посадить больного на неинвазивную венти-

ляцию легких. Ну то есть надел маску как можно более герметично, и умный аппарат стал додыхивать в него кислородно-воздушную смесь.

В вену потекли растворы, снимающие спазм бронхов, гормоны, снимающие воспаление, а также препараты разгружающие малый круг кровообращения. На спасение его жизни в таком режиме я мысленно дал всего полчаса, дальше только глубокий сон и управляемая вентиляция легких, а там как всевышний решит.

В первые минуты больному стало хуже, он был возбужденным, начал срывать маску, он чувствовал себя не комфортно, но мы уговорили его потерпеть. И уже через пятнадцать минут мы с удовольствием увидели, что концентрация кислорода в крови стала расти, а еще через пять минут он успокоился и отдался воле умного дыхательного аппарата, который с удовольствием откликнулся на каждый вдох.

На следующие сутки его перевели в терапию. А еще через неделю — к нам пришел благодарный пациент, пришел, чтобы сказать нам спасибо. Редко у нас появляются такие благодарные пациенты, обычно они, склонив голову, проходят мимо, поскольку наши методы спасения неприятны, иногда болезненны, но зато эффективны. Хороший дядька, здоровья ему.

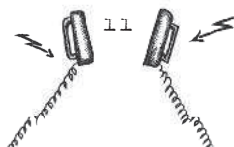
Вчерашний день

Я сдавал мой первый годовой отчет ведущему анестезиологу.

Доктор выкроил для меня десять драгоценных минут между операциями. Пожурил, что отчет написан разными шрифтами, но наказывать не стал, просто мне на будущее. Поговорили о законах в нашем непростом труде, как лучше устроить рабочее место, где лучше вообще отказаться от анестезиологического пособия, поскольку место анестезиолога должно соответствовать, а не идти на ура, подвергая риску жизнь пациента, давая наркоз в закутке, где даже электроотсоса нет. Попросил чаще обращаться с вопросами, сказал, что надо встречаться и вместе развивать нашу отрасль.

Что и говорить — приятно, что там, на самом верху нашего ремесла, занимает должность человек, который с пониманием относится к нам простым грешным работягам.

Потом я нашел, правда не с первого раза, магазин медицинских товаров. Попытался примерить модный нынче цветастый колпак, но, как мне показалось, ни один не сидит хорошо на моей голове. Решил, что на моем нестандартном черепе должны сидеть нормально только одноразовые стерильные чепчики. Купил четыре мембраны для моего фонендоскопа. Мой друг рассмеялся такому количеству мембран: «Ты чего — ими больных бьешь?» Вроде

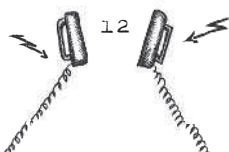

и не бью, но они, заразы, в самый ответственный момент оказываются треснутыми. Фонендоскоп этот я купил еще во времена своего студенчества, с толстыми трубами, отличная слышимость. Мой одноклассник однажды пошутил и заправил его бумажкой, и я еще неделю с умным видом показывал преподавателю, что слышу все страшные шумы у пациентов, а за моей спиной хихикали заразы-однокурсницы.

Далее мой путь проходил мимо областной библиотеки. Несколько лет назад я презентовал ей четыре книжки «Паразита». То было хорошее время моего книгопечатания, у меня даже остался незаконченный рассказ. Всё как-то сломалось после обмана книгоиздателя. Правда, потом вышла еще одна моя книжка: «Записки реаниматолога», но первая была мне как-то более дорога. И под воздействием этих воспоминаний я зашел в библиотеку:

— Извините, а есть у вас книга «Паразит» Шпинева?

— Да, есть, — ответила доброжелательная библиотечарша, — сейчас принесу.

Я думал, сейчас принесут новенький экземпляр, ненужный и нечитанный. Но вынесли уже истрепанную и зачитанную книжку. От вида моей чуть зачуханной читателями сказки стало как-то приятно и тепло на душе.

— Читают?

— Да, конечно, вот только недавно принесли, у нас остался этот вот единственный экземпляр.

Правда, приятно такое слышать.

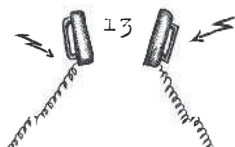
— Извините, я не буду у вас ее брать читать, это просто моя книжка.

— Я уже это поняла, ничего, вам спасибо.

Далее я пошел в кофейню. Интересная обстановка. На стене висит старый, почему-то окрашенный в желтый цвет велосипед. Половинки желтых двухсотлитровых бочек держали столик, барную стойку и подоконник, у которого сидела пожилая женщина и пила ароматный кофе.

Я купил эспрессо. Дописал вчерашний пост, с удовольствием потягивая нежный, душистый напиток. Молодая девочка-продавец разрекламировала какую-то программу, которая позволит в следующий заход сэкономить пять процентов. Я пообещал, что качну, вышел и забыл про нее, и про свой рюкзачок забыл. Девушка любезно вернула его.

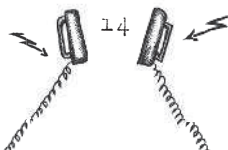
Потом я двинулся в сторону отеля, открытого еще в при стране Советов. Нет, я не планировал снять там комнату, я свернул в ресторан и заказал

дорогого чешского пива. Целый час я тянул бокал, ожидая своего студенческого друга. Андрей, мы с ним неразлейвода еще со студенческих времен. Правда, целый год не виделись. Так получилось, вначале я чуток обиделся на него, потом некогда, а тут такая возможность. Он работает в этом отеле, нет, не отельером, а врачом ультразвуковой диагностики. Пока мы отдаем свое здоровье на государственные клиники, они с супругой взяли кредит и работают на себя, вполне успешные люди.

Спустя час пришел, мы душевно обнялись, заказали обед. Я достал из-за пазухи свою душистую зубровку. Нам разрешили, поскольку друг-врач и постоянный клиент их заведения. Выпили, во рту разлился травянистый, чуть перцовый вкус зубров-

ки, закусили. Разговорились. Мы как будто вернулись в наше студенческое время. Смеялись от наших выходок. Давно я так душевно не отдыхал.

К вечеру меня забрал наш больничный автобус. Водила сказал, чтобы я сел впереди, наверное, хотел поболтать, но мой хмельной разум отключился уже на пятой минуте, отдав душу Морфею на целых два часа. Пожилой водитель, не обидевшись на моё сонное состояние, довез меня до дома.

Дома меня ждали родные и чуть остывший ужин.